

Стратегии и тактики адвокатов в условиях обвинительного уклона в России

Статья представляет социологическое описание работы адвоката по уголовным делам, исходя из теорий практического действия М. де Серто и Дж. Скотта, уделяющих внимание тактическим действиям «слабой» стороны социального взаимодействия и метису как особому типу практического знания. Существующая властная асимметрия уголовного процесса в России в пользу стороны обвинения ставит адвоката в ресурсно слабую позицию. В статье систематизированы три уровня этой асимметрии: 1) микроповседневность расследования уголовного дела; 2) закрепленное в законе неравенство сторон; 3) неформальные практики нарушения прав стороны защиты со стороны органов следствия, обвинения и суда. В результате возможности стратегического действия адвоката ограничены отношениями с подзащитными и /или доверителем, тогда как с другими участниками рассмотрения дела адвокат действует тактически. На основании экспертных интервью с адвокатами обобщены основные виды стратегического и тактического типов действия в работе по уголовному делу

135

Ключевые слова: социология права, социология профессий, юридическая профессия, адвокаты, теория практик, стратегия и тактика, обвинительный уклон

Ходжаева Екатерина Анисовна — кандидат социологических наук, научный сотрудник Института проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге. Научные интересы: социология права, социология полиции, социология повседневности, методология социологических исследований, социология религии, этносоциология, социология культуры. E-mail: ekhodzhaeva@eu.spb.ru.

Рабовски (Шестернина) Юлия Вячеславовна — младший научный сотрудник Института проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге. Научные интересы: социология права, социология профессий, методология социологических исследований. E-mail: julirabovski@gmail.com.

Статья подготовлена в рамках проекта «Социологическое исследование юридической профессии в России», поддержанного Российским научным Фондом. Код проекта 14-18-02 219. Авторы благодарят научного сотрудника ИПП Екатерину Моисееву за ценные комментарии и замечания, позволившие улучшить текст статьи.

Ekaterina Khodzhaeva, Julia Rabovski

Strategies and Tactics of Criminal Defenders in the Context of «Accusatorial Bias» («obvinitelinyi ukлон») in Russia

The paper presents a sociological description of the Russian lawyers' work in criminal case in terms of theories of practical action (M. de Certeau, J.C. Scott) that are focused on tactics of «weak» party in social interaction and on *metis* as a kind of practical knowledge. The power asymmetry in the Russian criminal procedure in favor of accusatorial party places criminal defender in weak position and limits his/her resources. The paper summarizes three levels of this asymmetry: 1) micro context of everyday criminal case investigation, 2) legal based inequality of parties, 3) informal practices of defense rights' violation from investigators, prosecutors and judges. As results, strategical kind of action of the defender is limited by relationships with defendant and/or clients, while with other participants of criminal case investigation criminal defender is forced to act just tactically. On the material of expert interviews authors generalized several types of criminal defenders' strategies and tactics.

Key words: sociology of law, sociology of profession, legal profession, lawyers, theory of practice, strategy and tactics, accusatorial bias

136

Введение

Уголовное судопроизводство в России предполагает адвокатскую монополию: чтобы представлять интересы подсудимых и потерпевших, юрист обязан иметь адвокатский статус. Адвокатское сообщество в свою очередь определено законом [ФЗ № 63] как институт гражданского общества, независимый от действующей власти и имеющий самоуправляемую и самокоординируемую структуру. Это существенно отличает представителей адвокатуры от остальных институциональных участников уголовного расследования (судей, прокуроров, следователей, сотрудников правоохранительных органов), представляющих государственные институты пенитенциарного контроля.

Среди последних укрепилось мнение о слабости адвокатуры как института и адвокатов как юристов-профессионалов. Многие судьи, прокуроры и следователи предполагают, что успешность

Khodzhaeva Ekaterina Anisovna — Candidate of Sciences in Sociology, Researcher, Institute for the Rule of Law, European University at Saint Petersburg. Research interests: Sociology of Law, Sociology of Police, Sociology of Everyday Life, Methods of Sociological Research, Sociology of Religion, Ethnosociology, Sociology of Culture. E-mail: ekhodzhaeva@eu.spb.ru.

Rabovski Julia Vyacheslavovna — Junior Researcher, Institute for the Rule of Law, European University at Saint Petersburg. Research interests: Sociology of Law, Sociology of Profession, Methods of Sociological Research. E-mail: julirabovski@gmail.com.

стороны обвинения и низкая доля (0,7% в целом и 0,2% по делам, в которых принимает участие прокурор) оправдательных приговоров в российском уголовном судопроизводстве [Волков, Дмитриева, Скугаревский и др., 2014, с. 38–40.] объясняется слабой защитой подсудимых, не способной противопоставить достаточно весомые аргументы и доказательства. Представители адвокатского сообщества констатируют, что причина «слабости» состоит в институционально обусловленных ограничениях в работе по уголовному делу. Асимметрия уголовного производства (как на досудебной стадии, так и на этапе судебного разбирательства) существенно снижает возможности адвоката как участника расследования.

В данной статье представлено социологическое описание работы адвоката по уголовному делу, исходя из теорий практического действия М. де Серто и Дж. Скотта. Фокусируясь на асимметричных отношениях власти, эти авторы показали, что у подчиненных групп остается значительный арсенал возможностей противостоять усилиям подчиняющих их властных акторов. Особое значение в теоретических построениях М. де Серто и Дж. Скотта уделяется тому, как «слабая сторона» добивается своих целей именно на уровне практического действия. В статье показано, что институционально закреплённая слабая позиция адвоката влечет за собой приоритет тактических действий над стратегическими (по М. де Серто). На основании экспертных интервью с практикующими адвокатами мы систематизируем основные тактики, используемые ими в российских судах для обеспечения интересов подзащитного, а также опишем единственную сферу стратегического типа действия адвоката — сферу взаимоотношений с клиентом.

137

Рьяные защитники или системные игроки — две модели эмпирического описания реальной роли адвоката в суде

В научной литературе, в большинстве случаев опирающейся на американский эмпирический материал, чаще всего используются две объяснительные модели профессиональной роли адвоката. Первая описывает нормативный идеал адвоката, рьяно и усердно представляющего интересы клиента, подчас ведущего независимое расследование и собирающего доказательства в пользу подзащитного¹. Та-

1 Здесь и далее определения «рьяный», «ревностный», «усердный» и «добросовестный» применительно к работе адвоката будут пониматься как синонимы, относящиеся к нормативно заданной роли защитника в уголовном деле.

кая позиция адвоката закреплена в законодательстве и этических кодексах, представлена в курсах «Профессиональная этика», преподаваемых на юридических факультетах. Эмпирические исследования в рамках этого подхода сфокусированы на двух основных моментах. Во-первых, исследователей интересует, как в реальной практике реализуются нормативные для адвокатуры этические установки. Например, упоминания заслуживают активные дебаты о том, всегда ли, а если нет, то когда и в каких конкретно институциональных условиях адвокату следует активно и агрессивно представлять интересы доверителя в суде, учитывая доказательную базу стороны обвинения, загруженность судей делами и заинтересованность последних поскорее закончить дело при очевидности доказательств виновности, избегая излишней траты времени на прения сторон [Brown, 1998; Luban, 1993].

Во-вторых, проводятся эмпирические исследования того, как и в каких условиях сама нормативно заданная роль адвоката трансформируется и переопределяется. Так, например, показано, что в действительности не существует единого стандарта добросовестной и усердной защиты и профессионализма адвоката. Такой стандарт на деле оказывается лишь объектом профессиональной дискуссии и субъективной интерпретации. Коллегиальный контроль со стороны других членов профессионального сообщества является основным механизмом формирования и развития стандартов деятельности адвоката. Как показало исследование сообществ адвокатов, специализирующихся на бракоразводных процессах, не столько вертикальный контроль сверху, сколько горизонтальный коллегиальный контроль (в ходе повседневных взаимодействий) определяет разделяемые адвокатами представления о профессионализме. Профессиональное общение в рамках таких сообществ формирует основу идентичности, научает основным правилам работы, дает представление о неправильном профессиональном поведении и следующих за ним санкциях, а также о способах избегания формального наказания [Mather, McEwen, Maiman, 2001, p. 179–182]. Таким образом, закреплённая нормативно модель независимого, ревностного или рьяного защитника, добросовестно исполняющего свои обязанности перед клиентом, используется в эмпирических исследованиях для описания этических аспектов профессии и для анализа формирования общеразделяемых профессиональных стандартов работы адвоката.

Вторая модель, основанная на эмпирических исследованиях действительной роли адвокатов, прежде всего в уголовном судопроизводстве, предлагает трактовку, радикально противоположную нормативной модели и интерпретирует адвоката как игрока, подчиненного ожиданиям системы правосудия. А. Блумберг еще в 1967 г.

предложил описывать защитника в уголовном деле как двойного агента, согласовывающего позиции клиента с интересами стороны обвинения, судей и работников суда. Основная задача адвоката в роли двойного агента состоит в том, чтобы, опираясь на доверие подсудимого/подзащитного, склонить его к признанию вины, тем самым облегчить работу стороне обвинения и сократить издержки (временные, финансовые и прочие) правосудия [Blumberg, 1967]. Эта позиция была поддержана также и другими исследованиями, основанными на наблюдении в судах. Так, например, предложенная Дж. Эйзенштейном и Г. Джейкобом в 1977 г. идея «рабочей группы зала суда» описывает деятельность всех участников процесса (прокурора, защитника, судьи и приставов) как согласованную и взаимовыгодную. Согласно этой концепции, адвокаты постоянно взаимодействуют с другими участниками рабочей группы для того, чтобы расправиться с делом с минимальными издержками для самой рабочей группы, а не для подзащитного, склоняя последнего к признанию вины [Eisenstein, Jacob, 1977]¹.

Указанная критическая трактовка роли адвоката встречала возражения. Сторонники нормативной версии восприняли модель системного адвоката как обвинение представителей адвокатской профессии в непрофессиональном отказе от этических принципов добросовестной защиты. Они настаивали на том, что признание вины и участие в переговорах на досудебной стадии не означает подчиненной и зависимой роли адвоката. Неочевидный и скрытый от социологов, проводящих наблюдения в судах, процесс переговоров между сторонами обвинения и защиты может включать значительные усилия адвоката по согласованию интересов подзащитного. Кроме того, неконфронтационная и невызывающая форма ведения переговоров является одним из критериев профессионализма и одновременно успешной тактикой защитника по отстаиванию интересов клиента [Mather, 1979; Maupard, 1984]. Иногда в переговорах добросовестные адвокаты вынуждены делать вид, что они «продают» (sell out) клиента стороне обвинения, на деле выторговывая лучшие для подзащитного условия сделки².

- 1 Краткий обзор этой книги, подготовленный Е. Моисеевой, см. в этом же номере журнала. См. также новый текст о рабочих группах суда в российских условиях [Моисеева, 2014].
- 2 См. описание конкретного случая, когда адвокат выторговал на 6 месяцев заключения меньше в переговорах с прокурором и судьей, проговорив при этом, что сам поддерживает реальное наказание для подзащитного и позволяет стороне обвинения самой решать по поводу размера санкции [Van Cleve, 2012, p. 314].

Однако сторонниками нормативной модели признается, что соблюдение стандартов рьяной защиты встречается редко. Реальная деятельность профессионального защитника далека от нормативно закреплённого идеала и часто стремится не к реализации этического стандарта, а к балансу интересов как клиента, так и других участников уголовного разбирательства. Так, Р. Апхофф, тестирующий идею А. Блумберга об адвокате как двойном агенте в результате эмпирического исследования, пришел к выводу, что лучшая метафора, описывающая роль адвоката в уголовном деле — это «блокируемый посредник» (*beleaguered dealer*). Адвокат в целом поддерживает позицию того, кого защищает (как это ему приписывает нормативная модель), но на практике сталкивается с высокой нагрузкой всех участников рабочей группы (своей, судьи, прокурора), неравенством ресурсов и давлением со стороны обвинения. В результате признание вины подзащитным представляется блокируемому посреднику лучшим из возможных исходов. Автор считает, что работа адвокатов может быть улучшена при укреплении системы оказания юридической помощи бедным (составляющим подавляющее большинство подсудимых) [Uphoff, 1992]. Другие исследования обращают внимание на то, что защитники в уголовном судопроизводстве сталкиваются не только с узкопрофессиональными задачами, но и нередко вынуждены выполнять функции социальных работников. Это ставит вопрос о многозадачности и гибкости роли добросовестного защитника. Так, недавнее исследование Н. ван Клив, выполненное в одном из чикагских судов, показало, что большинство подзащитных страдает ментальными отклонениями и/или является наркозависимыми. По отношению к ним адвокаты, следующие клиентоориентированной версии нормативной модели принятия решений¹, вынуждены включаться в более широкий контекст помощи, в определенные моменты принимая на себя роль ментора или куратора и по неюридическим вопросам [Van Cleve, 2012].

В российских условиях практика адвокатов в системной роли, работающих де-факто на стороне обвинения, широко признается в адвокатском сообществе [Садохин, 2014]. Особенно часто обвинения в зависимом статусе звучат в адрес тех адвокатов, которые участвуют в процессе как предоставленные государством защитники, т. е. по назначению, а не по соглашению с клиентом. Профессиональная защита гарантируется законом каждому вне зависимости, есть ли у человека средства для оплаты услуг адвоката или нет (ст. 51 УПК

1 Этот относительно новый вариант нормативной модели признает, что клиенты обладают интеллектуальным и культурным опытом, значимым при принятии адвокатом наиболее эффективного решения. См. подробнее о клиентоориентированном подходе [Binder, Bergman, Price, 1991].

РФ). Однако участие адвоката в деле по назначению ставит его в значительно большую зависимость от судьи или следователя, распределяющих дела и выписывающих представления на оплату работы адвоката.

В профессиональной среде признается тот факт, что некоторые адвокаты, участвуя в деле как предоставленные и оплаченные государством защитники (по назначению), выступают на стороне обвинения и склоняют подзащитного, например, к признательным показаниям или к выбору особого порядка рассмотрения уголовного дела (когда при признательных показаниях содержание дела не рассматривается на суде по существу, и задача суда состоит в основном в определении типа и размера наказания), что значительно сокращает сроки и облегчает работу судье и обвинителю. В недавних социологических исследованиях также закрепляется подобное разделение адвокатов на типы в зависимости от контракта: государственные («судейские», «следовательские») и конфликтные, некооперативные адвокаты, работающие по соглашению [Моисеева, 2014, с. 93–94].

На наш взгляд, обе трактовки роли адвоката как рьяного защитника или системного игрока рабочей группы зала суда не противоречат друг другу. Они эмпирически фокусируются на диаметрально противоположных ситуациях, в которых оказывается адвокат в работе по делу. Нормативная модель ревностного защитника воспринимается как стартовая точка для эмпирических исследований того, как профессиональные стандарты и этика воплощаются на практике, а существующие в судах институциональные условия ограничивают возможности добросовестного защитника. Модель системного игрока (двойного агента, участника рабочей группы зала суда), напротив, фокусируется на практике адвокатов, в большей степени заинтересованных в соблюдении институционально определенных ожиданий других участников судебного разбирательства, а не в соблюдении интересов подзащитного.

Совмещение этих двух перспектив возможно, если применять эти модели не для типизации самих адвокатов на добросовестных и не очень, а к ролям, исполняемым адвокатами в конкретных условиях судебного разбирательства. На протяжении своей карьеры и в зависимости от обстоятельств дела каждый адвокат может выбрать и де факто выбирает как несистемную, так и системную роль, соответствующую названным моделям. В случае исполнения несистемной роли адвокат руководствуется преимущественно интересами подзащитного и /или доверителя и, будучи «блокируемым посредником», лишь согласует их с ожиданиями рабочей группы зала суда (Р. Апхофф). Выбирая системную роль в деле, адвокат, напротив, действует как «двойной агент» в интересах судьи и обвините-

лей, «продавая» им своего подзащитного. Вопрос о факторах и условиях выбора системной и несистемной роли требует отдельного детального исследования и не является предметом данной статьи. Здесь мы фокусируемся на тех практиках, которые реализуются для выполнения несистемной, нормативной роли уголовного защитника в условиях властной асимметрии уголовного процесса в России.

Теоретические установки и метод исследования

В данной статье мы представим результаты разведывательного исследования, реализованного в 2013–2014 гг. Институтом проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге. Исходные исследовательские вопросы, с которыми мы начинали полевой этап, формулировались следующим образом: какова на практике роль адвоката в уголовном деле? Какие возможности есть сегодня у добросовестного защитника в продвижении интересов своего доверителя? Как в целом выстраивается позиция адвоката и стратегия его практических действий?

142

Исследование было сфокусировано на повседневных и практических аспектах деятельности адвоката как неравноправного участника уголовного правосудия, рассматриваемых сквозь призму теории практического действия Дж. Скотта и М. де Серто. Авторы сосредоточены на творческой роли подчиненных, «слабых» групп в их практическом сопротивлении насаждаемым правилам, а также методам эффективного практического действия вопреки усилиям властных акторов¹. Французский философ М. де Серто предложил аналитическое различение двух типов практического действия в зависимости от властных возможностей действующего субъекта — стратегии и тактики [De Certeau, 1984, p. 35–38]².

Стратегия осуществляется теми, кому принадлежит власть. Стратегический тип действия предполагает, что его субъект имеет возможности контролировать пространство или территорию, в том числе осуществлять телесный (физический) и визуальный контроль

1 Систематическое изложение в главе 11 «Де Серто и Скотт: стратегии, тактики, асимметричный конфликт» [Волков, Хархордин, 2008, с. 193–208].

2 Следует сказать, что в данной работе мы отказываемся от общеупотребительного значения терминов «стратегия» и «тактика». В юридической, в том числе и адвокатской специальной литературе, эти понятия широко используются: термин «стратегия» обычно относится к общей цели защиты, а понятие «тактика» применяется для обозначения конкретной линии поведения на определенном этапе работы по делу. Предлагаемое в данной статье разделение стратегий и тактик проводится вслед за М. де Серто совершенно иначе.

над местом. Властвующий субъект имеет право первого хода, он устанавливает иерархию в пространстве, «вводит ранги», формирует правила игры и предписания, дополняет пространственную иерархию символическими различиями, в том числе приписывая заданные идентичности всем тем, кто в этом пространстве существует. Основная цель субъекта стратегии — победить и установить/укрепить власть и контроль.

Тактическое действие, согласно М. де Серто, реализуется несогласной подчиненной стороной, когда очевидно, что открытое противостояние приведет к потерям или поражению. Тактика предполагает, что слабые, подчиненные акторы не имеют своего места и действуют на чужой территории. Для достижения эффективности тактическое действие внешне облечено в конформное поведение, предполагает манипуляцию идентичностью и видимое следование приписанной роли. При этом у субъектов тактики есть осознание внутреннего несогласия с предложенной иерархией. В противовес жестко насаждаемым властвующими субъектами иерархическим структурам субъекты тактик выстраивают между собой гибкие и сетевые связи, которые намеренно неиерархичны и рассеяны в пространстве. Если сила субъектов стратегии состоит в контроле за пространством, то сила субъекта тактики — в эффективном и гибком использовании времени. Выбор момента, изобретение новых, непредсказуемых для власти схем и частая смена решений и способов действий — это основные средства достижения цели для тех, кто вынужден действовать тактически. В отличие от субъекта стратегии субъект тактики не ставит себе конечную цель победить и установить свою власть здесь и сейчас. Его цель не проиграть.

Для понимания практических аспектов адвокатской деятельности также важны идеи Дж. Скотта, писавшего с опорой на исторический и антропологический материал об «оружии слабых». В репертуаре слабых групп (в случае исследований Скотта — крестьян) находится немало методов скрытого сопротивления: от саботажа до воровства. Подчас эти методы морально некрасивы, основаны на обмане, но слабым игрокам выбирать не приходится. Методы сопротивления слабых не требуют сложных координации и планирования действий, они основаны на неформальных связях. Такое сопротивление организуется исподтишка и не предполагает открытой конфронтации с властью [Scott, 1985]. Значимой для Скотта категорией анализа является специфический тип практического знания — метис. И хотя это заимствованное из древнегреческого языка понятие переводится обычно как «хитрость» или «хитроумие», автор предпочитает называть так «огромное множество практических навыков и приобретенных сведений в связи с постоянно изменяющимся природным и человеческим окружением» [Скотт, 2007,

с. 498]. Властная асимметрия судебного разбирательства, формальные и неформальные ограничения, накладываемые на адвоката, выводят на первый план метис — практическое знание того, каким образом лучше всего выстраивать защиту в конкретных условиях. Этот тип знания основывается не только и не столько на букве закона; гораздо большее значение для эффективности тактических действий имеет знание местного юридического ландшафта — особенностей практики конкретных судей и следователей, типичных процессуальных ошибок, допускаемых стороной обвинения. Это знание слабо кодифицируется, практически не рефлексивируемо и приходит с опытом.

В научной литературе встречены лишь единичные примеры использования подобного теоретического подхода в эмпирическом исследовании деятельности адвокатов, в частности, и юристов в целом. Например, недавнее исследование М. Шастер и А. Пропен, посвященное организации судебных процессов по случаям насилия в отношении женщин и детей в штате Миннесота. В рамках этого исследования авторы выделили набор тактик, которым профессиональные адвокаты научают женщин при составлении заявления потерпевшего (victim impact statement). Эти тактики предполагают: 1) признание авторитета судьи, 2) обоснование жалобы через идеологию юридической системы, 3) некоторое приуменьшение обстоятельств преступления и запрос на более мягкий приговор, дающий судье возможность проявить свою власть и иметь широкую дискрецию при принятии решения, 4) одновременное разъяснение всех психологических, физических и финансовых последствий преступления для женщины, 5) способность облечь обстоятельства дела в институционально приемлемую для суда форму [Schuster, Propp, 2011, p. 112–114]. Авторы исследования показали, что без помощи профессионального защитника потерпевшая сторона, будучи слабым участником судебного разбирательства, не способна добиться своих целей. Более того, и сами адвокаты, представляющие интересы потерпевших, также являются внешними игроками и действуют преимущественно тактически.

Эмпирическое исследование, легшее в основу статьи, выполнено в качественной стратегии сбора данных. Основным методом для нас стали нестандартизированные интервью с практикующими адвокатами Санкт-Петербурга. Метод интервью в отличие от наблюдения при должном уровне доверия позволяет получить информацию о широком спектре действий адвоката по делу, включая неформальные практики, скрытые от наблюдателя. Одновременно следует признать и ограничения метода — любой нарратив о практиках является лишь их интерпретацией. В связи с этим мы в меньшей степени концентрировались на оценочных суждениях информантов

и в большей мере уделяли внимание описаниям их практических действий и принятых по делу решений.

Нами было проинтервьюировано 18 адвокатов. В начале исследования в качестве основного метода рекрутинга использовался метод снежного кома. Мы обращались к действующим адвокатам, когда-либо взаимодействовавшим с организацией, в которой работают авторы. Далее они рекомендовали нам своих коллег, которые также делились контактами и давали рекомендации. Кроме того, весной 2014 г. в рамках наблюдения в одном из судов города были установлены уже независимые от институциональной сети контакты с адвокатами (пять информантов). Особенность первоначального дизайна выборки определила оптику интервью: большинство наших информантов критически воспринимает применение на практике уголовного закона. Подавляющее большинство (17 из 18 человек) из них получает основной доход от работы по соглашению с клиентами. Однако восемь наших собеседников имеют и опыт работы в качестве адвоката по назначению, чьи услуги оплачиваются государством. При этом сами они считают свой опыт нетипичным, полагая, что большинство российских адвокатов, особенно начинающих, работают в уголовных делах преимущественно по назначению. Точных данных, которые бы позволили подтвердить или опровергнуть это, пока нет. Однако тот факт, что 62,6% осужденных являются безработными [Волков, Дмитриева, Скугаревский и др., 2014, с. 13] и вряд ли имеют возможность платить адвокату, говорит в пользу этой версии. Значительная часть информантов подчеркивала, что выступает в интересах подзащитного, а не рабочей группы и в судах, и на стадии предварительного расследования. При этом мы не склонны проводить жесткое различие между исполняемой ролью несистемного активного адвоката и его типом контракта (по соглашению или по назначению). В собранных интервью немало примеров того, как адвокаты, работавшие по назначению, выступали с позиций агрессивной защиты. К сожалению, качественные данные не позволяют ответить на вопрос, насколько распространена практика активного представления интересов клиента в уголовном процесс в России. Тем не менее экспертные мнения этой группы информантов предоставляют достаточно сведений для подробного описания типичных способов действия адвокатов в несистемной роли.

145

Обвинительный уклон и асимметрия в уголовном процессе: адвокат как ресурсно слабая сторона

Мы не претендуем на детальное изложение юридических тонкостей уголовного и уголовно-процессуального закона. Наша цель — показать асимметричные условия работы по делу между стороной защиты и стороной обвинения, которые ставят адвокатов в нерав-

ные условия и потому активно ими проговариваются. Дисбаланс возможностей адвоката и его противников, представляющих государственные органы, заставляет первого выстраивать тактику, отталкиваясь от стратегий вторых на всех этапах судопроизводства.

Повседневность организации предварительного и судебного расследования устроена таким образом, что сторона защиты оказывается в неравном положении. Микроситуация судебного заседания так, как она сформатирована уголовным законом не только в России, но и в любой другой стране мира [Schuster, Prosen, p. 33], предполагает неравенство власти, закрепленное на уровне повседневной рутины. Судья является основным субъектом стратегии, который реализует свое право контролировать помещение зала суда и всех, кто в нем находится. Именно судья воспроизводит правила и предписания, установленные законом, а иногда формирует свои собственные. Судья устанавливает право и очередность говорения, разрешает другим присутствие в зале и т. д. На досудебной стадии уголовного преследования следователь/дознатель, прокурор, а также работники правоохранительных органов обладают по сравнению с адвокатом большей властью над делом и подозреваемым/обвиняемым. Адвокат участвует в уголовном процессе всегда на чужой и контролируемой представителем власти территории: в зале суда, в кабинете следователя или во время процессуальных действий. В условиях российской практики уголовного судопроизводства указанная асимметрия власти на повседневном уровне имеет специфические черты.

Формально уголовный закон в России закрепляет состязательность сторон и предоставляет адвокатам право вести собственное расследование. Однако законодательно порядок такого расследования не определен. Многие адвокаты рассказывают, что среди юридического сообщества сложилась практика игнорирования адвокатских запросов. Согласно закону «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», органы и организации обязаны выдать адвокату запрошенные им документы или их заверенные копии не позднее месячного срока со дня получения запроса адвоката. Однако санкции за уклонение от рассмотрения адвокатского запроса или отказа в предоставлении информации в законе не прописаны, поэтому получение адвокатом необходимых доказательств зависит от доброй воли работников организации, в которую направлен запрос. *«Если грамотный юрисконсульт, он увидит адвокатский запрос и сразу его в мусорку бросает, сидит дальше свои дела делает»* (мужчина, адвокат, стаж 4 года). В отличие от адвоката следователь является представителем правоохранительного ведомства, имеющего широкие возможности привлечения к ответственности лиц и организаций. И хотя ответ на запрос следователя

также не стимулируется де-юре никакими санкциями, по словам адвокатов, юрисконсульты организаций не осмеливаются игнорировать требования работников государственных органов. *«Ну, естественно, проще через следователя Следственного комитета, которому на следующий день присылают это все. <...> Естественно, они же госорганы, с госорганами общаются побыстрее. И, во-вторых, если звонит старший там следователь по особо важным делам в воинскую часть, ну, понятно, что они среагируют, естественно, [охотнее], чем [если] адвокат звонит»* (женщина, адвокат, стаж 12 лет). Уже на уровне взаимодействия во внешней юридической среде проявляется неравенство сторон в уголовном процессе.

Неравенство сторон констатируется также и на уровне прописанных в законе процедур. Согласно УПК, следователь или дознаватель ведет уголовное дело, осуществляя предварительное расследование. Именно он отвечает за приобщение к материалам дела доказательств обвинения и защиты, а сторона защиты при этом оказывается в зависимой позиции просящего, вынужденного обосновывать необходимость включения материалов и тем самым раскрывать следователю свою позицию по делу [Сухарев, 2013]. Так, на стадии предварительного расследования у одного из противников в уголовном процессе — обвинителя — есть возможность ограничивать действия стороны защиты. По словам наших собеседников, многие следователи предпочитают отклонять любое ходатайство адвоката и не приобщать к делу доказательства защиты, в то время как практически каждое процессуальное действие следователя автоматически становится доказательством по делу. Отказывая, следователи обычно указывают адвокату на возможность повторить ходатайство о приобщении материалов защиты в суде, однако практика рассмотрения уголовных дел судом ставит защитника в неравное положение по сравнению со стороной обвинения. В глазах судьи материалы, подготовленные адвокатом, воспринимаются как менее весомые: *«Ну, можно сделать протокол опроса очевидцев. Но это все муторно и, по сути, это в суде не проходит. По одному делу, по наркотикам делали, но, правда, там по одному эпизоду оправдали, а по одному осудили. Ну, как-то суд так все это обыграл, что вроде как мы это и не делали»* (мужчина, адвокат, стаж 4 года).

Практически все наши информанты говорили о том, что, чем раньше адвокат вступает в дело, тем больше у него возможностей помочь клиенту. Если адвокат вступил в дело до дачи подзащитным первых показаний, у него есть возможность научить подзащитного юридически грамотно представлять свою позицию, чтобы следователь не смог трактовать показания в нужную ему сторону или помочь свидетелю выработать позицию до того, как ему подскажут. Упущенный момент раннего вступления в работу по делу ставит

адвоката в положение «догоняющего» в сборе доказательств и в работе с подзащитным.

Следователь возбуждает уголовное дело, опираясь на материалы оперативной проверки, выполненной представителями правоохранительных органов, и в этом его колоссальное институциональное преимущество перед стороной защиты. Согласно исследованиям ИПП, именно на этот этап расследования сместилось неформальное принятие решения о виновности будущего подсудимого, практически необратимое после возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица или привлечения лица в качестве подозреваемого [Шклярук, 2014]. Асимметрия сторон обнаруживается, например, при следующей схеме работы следователей с подозреваемым: возбуждение уголовного дела в отношении неизвестного лица и допрос предполагаемого подозреваемого в качестве свидетеля, при котором следователь по закону не должен приглашать адвоката. В результате адвокат вступает в дело значительно позже: в момент вызова на допрос в качестве подозреваемого или принятия решения о мере пресечения, при этом подозреваемый уже сформировал свои показания, будучи допрошенным как свидетель. Формально показания, данные в качестве свидетеля, утрачивают юридическую силу в тот момент, когда человек переходит в статус подозреваемого. Однако в конкретной коммуникативной ситуации менять показания при повторном допросе в качестве подозреваемого гораздо сложнее. Адвокат же, вступивший в дело после того, как его подзащитный уже дал какие-то показания и сведения следствию, лишается возможности контролировать тот ракурс, в котором эти показания были зафиксированы и интерпретированы следователем.

Асимметричное положение стороны защиты и стороны обвинения в уголовном процессе устанавливается не только заложенной законом диспропорцией возможностей, но и установившимися неформальными практиками участников процесса, подчиненными внутренней логике ведомств. Представители государственных органов уголовного преследования (правоохранители, следователи, прокуроры) встроены в сложный бюрократический процесс, подчиняются инструкциям и находятся в жестких рамках субординации. Даже судьи, независимость которых определена законом, в реальной практике функционирования судов в России напрямую зависят от контроля со стороны председателей судов [Волков, Панеях, Поздняков, Титаев, 2012].

Одна из основных причин обвинительного уклона в российской системе уголовного преследования состоит во взаимной настройке системных показателей правоохранительной и судебной систем [Панеях, 2011]. Доминирующий негативный критерий оценки работы прокуратуры и правоохранительных органов — это вынесение

оправдательного приговора или прекращения дела по реабилитирующим основаниям. Это стимулирует прокуратуру обжаловать каждый такой приговор. Так, в 2012 г. судами общей юрисдикции оправданы 5164 лиц, а судами кассационной и апелляционной инстанции отменены оправдательные приговоры в отношении 2421 лиц [Данные судебной статистики, 2013]. В свою очередь основной негативный критерий оценки деятельности судьи — это отмена его решения вышестоящим судом. В результате институциональные правила вынуждают судей поддерживать сторону обвинения. В ситуации подобной настройки внутренних институциональных стимулов ведомств у адвоката как у ресурсно слабого участника процесса мало шансов на успешную защиту доверителя.

Адвокаты усматривают неравенство сторон и в существующем механизме переквалификации на этапе предварительного расследования. Основным отчетным показателем работы следственного органа является число расследованных дел, переданных в суд. При этом, как полагают адвокаты, переквалификация по ходатайствам защиты на более мягкую статью не приветствуется на уровне неформальных правил ни в правоохранительной системе, ни в прокуратуре. Напротив, чаще всего обвинение строится на как можно большем количестве эпизодов, а состав преступления вменяется наиболее тяжкий. Это дает следователю больше процессуальных возможностей и увеличивает шанс обвинительного приговора в суде. В результате подобной настройки институциональных стимулов следователю не выгодна переквалификация на этапе предварительного расследования. Поэтому наиболее частым аргументом его отказа в удовлетворении ходатайств адвоката, по нашим данным, выступает возможность переквалификации в рамках судебного расследования. Судьи же в условиях высокой нагрузки и отчетности по процессуальным срокам рассмотрения дел обычно не вникают в содержание дела [Панеях, Поздняков, Титаев и др., 2012, с. 133–134]. Таким образом добиться переквалификации дела стоит адвокату значительных усилий.

Каждый адвокат знает, как влияет предварительный арест подозреваемого или обвиняемого на характер приговора. В условиях неформальных правил российского правосудия отбывание предварительного заключения под стражей существенно снижает шансы подзащитного на оправдание или получение условного срока [Титаев, 2014]. Рассмотрение ходатайств о заключении под стражу производится дежурным судьей, и, хотя законом вменяется обязанность указать «конкретные, фактические обстоятельства», на основании которых судья принял решение о взятии под стражу подозреваемого или обвиняемого, на практике судья полагается на предположения следователей: *«Она <возможность> трактуется при рассмотрении*

меры пресечения опять же как предположение, что <обвиняемый> может влиять... или может скрыться. То есть должен быть аргумент, что, вот, конкретный фактор: да, обвиняемый, подозреваемый влиял. Уже он там на кого-то пытался влиять, угрожал кому-то, заставлял дать те или иные показания. Уже он, значит, прибыл в Пулково, чтобы улететь, пытался скрыться. А этого нету. То есть рассматриваются исключительно предположения. На них основывается решение суда об избрании меры пресечения в виде содержания под стражей» (мужчина, адвокат, стаж 15 лет).

С арестом подзащитного связана еще одна форма практического неравенства сторон в уголовном деле. Чтобы попасть в следственный изолятор, например, для согласования позиции с подзащитным, в Санкт-Петербурге адвокат должен за несколько часов до его открытия (около 6 утра) занять очередь на улице, в течение часа после открытия получить разрешение на посещение и после многочасового ожидания в следственном кабинете встретиться со своим клиентом. Формально для встречи с обвиняемым или подозреваемым следователь должен выполнить те же условия. Однако у него есть более широкие возможности для взаимодействия с заключенным: например, организовать его доставку на следственные действия или осуществить допрос перед помещением под стражу.

150

Ситуацию повседневных взаимодействий вне судебного заседания в зданиях судов адвокаты также описывают как ассиметричную. Между стороной обвинения и судьями складываются устойчивые повседневные контакты: прокуроры имеют свой кабинет в суде, не выходят из зала суда в перерывах между заседаниями, пьют с судьями чай в совещательной комнате. Справедливости ради стоит отметить, что подобные обвинения наши информанты выдвигали и в адрес некоторых адвокатов.

Необходимость соответствовать количественным критериям эффективности, высокая нагрузка, подотчетность и подчиненность руководству во всех сферах профессиональной деятельности приводят к выработке работниками госорганов и судов оптимальных сценариев взаимодействия, сокращающих затрачиваемые ресурсы. Например, по словам наших информантов, частая практика копирования приговора из файла обвинительного заключения давно уже стала сокращающей затраты рутинной в российских судах. Адвокат, добросовестно и по букве закона выполняющий все процедуры и правила, воспринимается как участник, нарушающий рутину конвейерного правосудия. Он встречает сопротивление со стороны субъектов стратегии, выдавливаясь из дела всеми возможными способами. Например, подсудимого наркомана следователь уговаривает отказаться от адвоката за дозу; при назначении времени судебного заседания на неудобное адвокату время заседание не переносится, а приглашается другой адвокат, склонный выпол-

нять системную роль участника рабочей группы суда. Эти случаи не единичны — они обсуждаются как на публичных мероприятиях, где собирается элита адвокатского сообщества, так и в личных разговорах адвокатов.

Таким образом, причиной ресурсно слабой позиции адвоката в работе по уголовному делу, согласно материалам интервью, является асимметрия уголовного процесса, проявляющаяся на трех уровнях.

Во-первых, на уровне повседневной организации уголовного правосудия. Это не специфически российская черта, а в целом любая юридическая модель уголовного разбирательства сформатирована таким образом, что адвокат и его деятельность находится под контролем субъектов стратегии: он работает по делу в «чужом» профессиональном пространстве (зале суда, кабинете юриста, ведущего расследование) и вынужден приспосабливаться под конкретные конфигурации рабочих групп следствия и суда.

Во-вторых, на уровне прописанных законом формальных правил и процедур. Российский уголовно-процессуальный закон описывает достаточно много случаев, когда де-юре сторона обвинения и следователь (институционально представляющий правоохранительные органы) обладает существенно большими возможностями контроля над уголовным делом: стадия доследственной проверки¹ (правоохранительные органы собирают сведения, а адвокат лишен возможности контролировать их содержание), большие возможности контроля над делом со стороны следствия (именно следователь решает, будет ли тот или иной документ приобщен к уголовному делу, направляемому в суд), закрепленная законом необходимость ходатайства защитника в целях переквалификации или для приобщения каких-либо материалов в уголовное дело, недостаток ресурсов и законодательного регулирования возможностей адвокатского расследования и пр.

И, в-третьих, на уровне неформальных практик соблюдения существующих формальных правил и процедур в интересах рабочей группы суда и ведомственных задач. Ситуация взаимных настроек внутриведомственных показателей между правоохранительными структурами, органами расследования и судами приводят к тому, что даже те нормы, которые закрепляют равенство сторон обвине-

1 Здесь и далее под доследственной проверкой понимается «регламентированная уголовно-процессуальным законом деятельность, в ходе которой компетентными должностными лицами подвергаются проверке сведения, содержащиеся в поводе к возбуждению уголовного дела, устанавливается первоначальная квалификация совершенного деяния, а также предпринимаются неотложные меры к быстрому раскрытию преступления» [Лизунов, 2012, с. 81].

ния и защиты в процессе, не соблюдаются на практике: например, практика немотивированных отклонений судом жалоб адвокатов на действия следствия, практика замещения неугодного судье адвоката по делу, ограниченный доступ к задержанному и даже к решениям суда.

В результате асимметрии ресурсов и возможностей сторон в условиях обвинительного уклона уголовного преследования в России адвокат оказывается субъектом тактики в несистемной роли в контактах с судом и правоохранителями. Возможность действовать стратегически остается лишь в общении с клиентом/подзащитным.

Стратегические и тактические действия адвокатов

Нормативно предписанная задача адвоката — отстаивание интересов клиента. Практически в каждом конкретном случае она решается в контексте системного для стороны обвинения и суда условия: в кратчайший срок установить и подтвердить виновность обвиняемого. В условиях асимметрии ресурсов и институционально обусловленной слабости позиции адвоката в его распоряжении находится ограниченный набор стратегических действий. Как мы показали выше, гарантированные уголовно-процессуальным законом возможности адвоката блокируются на практическом уровне, и даже повседневная рутина устроена так, что адвокат оказывается в подконтрольной позиции и во властной зависимости со стороны обвинения и суда.

Единственная сфера установления собственного контроля адвоката — это власть над наиболее слабым участником процесса: подзащитным/обвиняемым и подсудимым. В общении с доверителем адвокат обычно действует на своей территории — приглашает в кабинет, в офис. Здесь помимо решения финансового вопроса происходит реализация самого значимого для субъекта стратегии шага — *утверждение собственного авторитета*. В ходе демонстрации профессиональных знаний и навыков перед клиентом адвокат устанавливает иерархию во взаимоотношениях, определяет свой доминирующий статус в принятии решения. Нередко адвокат вступает в дело и знакомится в подзащитным уже в ходе процесса на территории следственного органа. В таких случаях маркером его особого статуса и профессиональной значимости является доверие тех, кто нанял адвоката для подзащитного. Хотя основным стимулом активной борьбы за интересы подзащитного является финансовое вознаграждение, в добросовестной работе по назначению (когда гонорар скромнен) есть свои выгоды. Адвокаты признавались, что наиболее мотивирующими факторами активной работы по назначению были, во-первых, личность подзащитного, а во-вторых, обнаружен-

ные в деле обстоятельства, позволяющие добиться в перспективе оправдательного приговора. Наличие оправдания в карьере адвоката рассматривается как наиболее значимый маркер его профессионального успеха.

Важно, что стратегия присвоения адвокатом доминирующей роли противоречит нормативно предписанным ожиданиям. Согласно букве закона, адвокат должен придерживаться позиции доверителя (подзащитного) и исходить из нее. Однако адвокат, выбирающий несистемную роль, нацелен на максимальное достижение интересов клиента, и основная задача в стратегической игре — убедить подзащитного довериться его профессиональному знанию (метису). После формирования доверия и отношений доминирования/подчинения следующее важное стратегическое действие адвоката — *установление контроля над позицией подзащитного с учетом материалов дела*. Этот контроль может устанавливаться директивно либо в ходе взаимного обсуждения в зависимости от стиля работы конкретного адвоката. Однако стратегически важно не только установить, но и сформировать развитие собственной позиции по делу с учетом возможных исходов. Согласование показаний на этапах суда и следствия, подача жалоб, встречные ходатайства — все это лишь формально согласуется с подзащитным, а на деле является сферой контроля адвоката.

153

Неотъемлемая часть работы с доверителем — это *разъяснение подзащитному/клиенту асимметрии уголовного процесса в России, включающее иногда и психологическое консультирование*. Многие обвиняемые или их родственники, впервые попавшие под каток российского правосудия, не представляют всех масштабов обвинительного уклона и склонны преувеличивать вероятность благоприятного исхода. В связи с этим честный адвокат вынужден предупредить их о том, что шансы на оправдательный приговор минимальны. Тем самым он снижает планку ожиданий и минимизирует свои репутационные риски при неблагоприятном исходе.

В отношениях с остальными участниками уголовного процесса адвокат в несистемной роли и будучи слабой стороной, не может следовать буквально нормативному идеалу ревностной защиты, а вынужден подстраиваться и занимать выжидательную позицию, отдавая приоритет тактическому типу действия. По итогам интервью можно выделить семь основных тактик успешной профессиональной работы такого адвоката по уголовному делу.

Во-первых, адвокаты, работающие в несистемной роли, стремятся *поддерживать свой имидж, подчеркивая собственную комфортность* в принятии профессиональной роли и следовании процедурам. Это достигается различными средствами: деловым стилем в одежде, подчеркнuto вежливыми обращениями, буквальным

следованием правилам ведения судебного заседания. Важное отличие этой тактики от стратегии формирования авторитета перед подзащитным состоит в том, что здесь адвокат вынужден приспосабливаться под установленные другими правила и процедуры, в том числе функционирующие неформально в определенных микроконтекстах. Он должен знать о предпочтениях конкретного судьи и правилах работы тех или иных следственных подразделений и использовать это практическое знание при демонстрации конформизма. Это также включает знание внутренних институциональных ограничений судей и судейского аппарата, прокуроров и следователей, понимание их ведомственных интересов и критериев оценок.

Во-вторых, тактическое действие адвоката в несистемной роли не предполагает полноценное признание в качестве «своего» в системе — важно *сохранить дистанцию и продемонстрировать ее в определенный момент*. Это сложно: адвокату необходимо дать следователю или судье неоднозначный намек о приоритете интересов подзащитного в работе по делу, при этом оставаясь в конформистском образе. Именно поэтому чаще всего этот намек сопровождается демонстрацией адекватности и прогнозируемости. Эта непростая задача может быть решена разными способами. В редких случаях адвокат прямо говорит судье и обвинителю о линии работы по делу, открыто предупреждает о будущих действиях при тех или иных решениях оппонентов. В большинстве случаев план действий адвоката открыто не проговаривается. Адвокат может попросить у судьи или следователя разрешение вести аудиозапись заседания или следственных действий или фотографировать материалы дела, это дает понять другим участникам, что адвокат заинтересован в фиксации всех этапов расследования и выступает в несистемной роли. Адекватность обычно выражена грамотно составленными ходатайствами (кратко и по существу) и обоснованностью материалов, представляемых стороной защиты.

В-третьих, адвокат вынужден использовать любую возможность *мониторинга дела в поиске процессуальных ошибок для выявления содержательных нестыковок*. Сторона защиты, существенно ограниченная в сборе доказательств в период предварительного расследования, использует любые средства для сокращения неопределенности, накапливает знание о тех или иных процессуальных промахах стороны обвинения. Активно борющиеся за интересы своего подзащитного адвокаты проговаривают в интервью, что фотографирование всех попадающих к ним в руки материалов дела, например, во время следственных действий или в ходе судебных заседаний для решения вопроса о предварительном аресте — не только демонстративное действие (как мы указали выше). Эти снимки потом активно обрабатываются, документы сличаются с целью обнаружения процессу-

альных ошибок или серьезных нарушений, например, подлога. Это дает адвокату тактическое преимущество¹. Наши собеседники утверждают, что число процессуальных ошибок следствия с каждым годом увеличивается, но суд предпочитает к ним не придирааться. По их словам, в последние годы участились случаи фальсификации процессуальных документов следователями. И хотя доля удовлетворенных судом жалоб на действия должностных лиц, осуществляющих уголовное производство (в соответствии со ст. 125 УПК РФ), снизилась с 16% в 2009 г. до 8,7% в 2012-м [Данные судебной статистики, 2013], серьезные процессуальные ошибки следствия позволяют адвокатам, как мы покажем далее, договориться и совершить символический обмен своего невнимания к нарушениям процессуальных норм на послабление санкции для подсудимого или сокращение числа эпизодов, вмененных обвиняемому.

В-четвертых, для добросовестной работы адвоката по делу характерна тактика усиленного внимания не только к процессуальным недочетам дела, но также и *использование всех имеющихся в нем содержательных противоречий*. Адвокат, использующий эту тактику, самостоятельно добывает сведения: делает запросы в организации, обращается к экспертам, несмотря на то что асимметричные прави-

- 1 Под процессуальными ошибками обычно имеются в виду существенные нарушения органами предварительного расследования, реже судом норм уголовно-процессуального закона — неверно оформленные, с нарушением сроков или иных процессуальных аспектов материалы дела. Приведем здесь лишь один, но очень яркий пример. Так, одна из наших собеседниц зафиксировала для себя ошибку на постановлении о назначении экспертизы: следователь по ошибке напечатала вместо «назначении» «ознакомлении» и в момент подписания исправила от руки. *«И потом дело передали другому следователю, и я когда знакомлюсь с делом, ... первое, что я ищу, конечно, это постановление, потому что я знаю, что оно с нарушением составлено. И я нахожу, что оно совсем другое постановление, стоит моя подпись не моей рукой совершенно... Я сказала следователю...: „Вы понимаете, что если я это бы сейчас вот озвучила бы в суде, ваша бы экспертиза по разбойному нападению была признана недопустимым доказательством? А значит, у Вас нет разбойного нападения, а значит, Вам будет очень плохо. И той-то [предыдущему следователю — прим. авторов] ладно, она уволилась, а Вы же дело передали в суд с фальсифицированным документом, Вы должны заметить были“.* Он сидит, так на меня смотрит: *«Давайте, что-нибудь сделаем».* *«Ну, давайте что-нибудь сделаем».* И вот, знаете, пошли уступки по делу с его стороны. Потому что двоякая ситуация..., в суде это приведет к тому, что судья вынесет постановление об исключении доказательства этого. Прокурор заявит ходатайство о проведении повторной экспертизы, она будет эта экспертиза и мой разбой так и будет. Он будет, он никуда не денется. Но проблемы будут у следователя большие. И вот здесь ты начинаешь играть на этих его проблемах. То есть, я понимаю, что для меня-то тут не выход из ситуации, а для него-то выход» (женщина, адвокат, стаж 13 лет).

ла и неравенство ресурсов серьезно ограничивают его возможности по сбору доказательств. Важный тактический ресурс адвоката — его способность доказать суду (реже следствию) необходимость приобщения к делу материалов защиты, независимых вневедомственных экспертиз. Хотя уголовный процесс позволяет защите ходатайствовать о получении доказательств, требование проведения повторной экспертизы по делу может быть отклонено судом: «...нам даже экспертизу не дают произвести на эту тему, просто не дают, говорят, это все субъективное восприятие адвоката» (мужчина, адвокат, стаж 2 года). Результаты проведения независимой экспертизы могут быть признаны заключением специалиста, которое на практике имеет меньший вес, чем заключение эксперта. Судья может счесть, что вневедомственный эксперт менее надежен и не вызывает доверия.

Сложно перечислить все основания игнорирования доказательств защиты, но можно с уверенностью утверждать, что способность убедить судью приобщить их — особое преимущество и навык адвоката. Опытный адвокат полезен клиенту в первую очередь социальными связями в экспертной среде. Знакомство с работниками лабораторий и владение практической техникой приобщения их заключений к материалам дела дает возможность активному адвокату не только сделать экспертизу быстрее и качественнее, чем в ведомственной лаборатории, но вызвать эксперта в суд в качестве свидетеля. «Мало кто может назначить повторку¹. Они, просто некоторые адвокаты, не знают ход действий. Это надо иметь свое экспертное учреждение, как-то договориться со специалистами, чтобы они там написали. Это, естественно, все без денег. Но специалисты тоже заинтересованы. Потом их суд вызывает и суд им это все опл [атят]. Там куча, куча, куча всяких нюансов. Про которые вам никто не расскажет» (мужчина, адвокат, стаж 4 года).

В-пятых, если клиент достаточно платежеспособен, контроль за материалами дела тактически достигается *посредством групповой работы адвокатов по делу*. Приставляя адвоката к каждому свидетелю, группа может контролировать материалы уголовного дела. В отличие от своих оппонентов (следователей, прокуроров и судей) профессиональные защитники не связаны иерархией и обязательностью организационных связей. Складывающиеся неформальные коллективы нестабильны, основаны на добровольном согласии участвовать в деле в конкретной роли. Гибкие коллегиальные сети позволяют каждый раз привлекать в дело узких специалистов в некоторых областях адвокатской деятельности. Одновременно не возникает

1 Информант имеет в виду повторную экспертизу, назначаемую судом для перепроверки результатов экспертного заключения, полученного на этапе предварительного расследования.

вопрос о внутренних соподчиненностях — признается преимущественное право того, кто является адвокатом платящего клиента, определять коллективную работу по делу. В каждом новом «групповом проекте» иерархия в команде адвокатов устанавливается заново.

Тактика групповой работы по делу позволяет значительно усилить контроль над его содержательной стороной, поскольку адвокат каждого свидетеля знает показания того, кого он представляет, а группа адвокатов знает все показания свидетелей защиты. В то же время узкая специализация участников позволяет использовать их особые компетенции и знакомства, что усиливает общий метис группы и в целом ее тактический ресурс по сравнению с адвокатом-одиночкой.

В-шестых, адвокатов отличает *тактическая готовность к сделке в интересах клиента*. Наиболее частым предметом договоренности является признание вины и согласие на особый порядок рассмотрения дела. Это значительно облегчает работу всем участникам уголовного процесса: экономит рабочее время судьи, минимизирует вероятность обжалования приговора, удовлетворяет ведомственные интересы прокуратуры и следствия. Единственная гарантированная законом выгода для подсудимого, согласившегося на особый порядок, — это сокращение размера самой строгой санкции до двух третьих от максимума. Согласно исследованию статистики решений судов, особый порядок не дает существенного преимущества подсудимому, поскольку судьи обычно и так назначают санкции в размере не более двух третьих от максимума [Волков, Дмитриева, Скугаревский и др., 2014, с. 45]. Это также опытно знают и адвокаты. Некоторые наши информанты не используют эту тактику. *«Если вы не хотите бороться, дело в особый порядок и даже не мучаемся»* (мужчина, адвокат, стаж 2 года). *«За что я тогда деньги беру? Особый порядок — осуди себя сам»* (мужчина, адвокат, стаж 4 года). Такие адвокаты обычно не стремятся к диалогу со следователем и концентрируются на сборе доказательств защиты и представлении их в суде.

Однако часть наших собеседников отмечает, что договоренности со стороной обвинения могут быть полезны для клиента, в том числе и признательные показания. В условиях асимметрии уголовного процесса обвинение не заинтересовано в диалоге с защитой, и признание вины является основным козырем в руках профессионального защитника. В обмен на особый порядок можно выторговать условный срок для подсудимого; можно также договориться о снятии одного или нескольких эпизодов; можно избежать предварительного ареста¹ и проч. Вовремя сделанным заявлением о со-

1 Положительную зависимость признания вины и отказ следователя от предварительного заключения доказал К. Титаев на материалах 10 тыс. решений

гласии с обвинением можно расположить судью к стороне защиты и рассчитывать на более мягкую санкцию в длительном и затянутом судебном слушании.

На этапе предварительного расследования, будучи в неравных условиях со следователем, адвокаты понимают, что лучшая тактика обеспечения выгоды для своего подзащитного — это достижение кооперации со следователем в процессе формирования материалов уголовного дела. Именно на этапе предварительного расследования каждый адвокат, заинтересованный в продвижении интересов своего клиента, начинает тактический «танец со следствием». С одной стороны, адвокат должен продемонстрировать высокий профессионализм, чтобы противоположная сторона понимала, что имеет дело с непростым юристом. С другой стороны, важно дать понять, что адвокат будет ходатайствовать лишь по существу, не отвлекая следователя по мелочам.

По понятным причинам в интервью мало намеков на коррупционную составляющую подобной кооперации в интересах подзащитного, однако такая практика и не отрицается. Более того, это представляется адвокатам наиболее оптимальной тактикой решения проблем клиента на стадии доследственной проверки, когда материалы проверки еще прорабатывают сотрудники правоохранительных органов и решение о возбуждении уголовного дела еще не принято окончательно.

Адвокаты понимают, что с моральной точки зрения тактика неформальных переговоров выглядит не вполне соответствующей нормативному идеалу защитника. Например, в интересах подзащитного бывает выгодно «сдать» или оговорить других, гарантировав определенные уступки со стороны обвинения лишь своему клиенту, но навредив остальным подозреваемым. Адвокаты отмечают, что подобные сделки достигаются обычно со следствием или даже еще раньше на этапе доследственной проверки с оперативными уполномоченными. В этой ситуации важным практическим умением адвоката является способность довести соблюдение условий сделки через все стадии движения дела, учитывая ведомственные интересы.

Например, договоренность с оперативным работником МВД не приводит автоматически к склонности следователя и прокурора, поддерживающего обвинение, сделать уступку, и уж тем более к благосклонности судьи. В таком случае значительная часть усилий адвоката прилагается к неформальному процессу обеспечения в судебном решении неформальных договоренностей. На каждом

судов по уголовным делам в 2011 г. [Титаев, 2014, с. 103].

этапе движения дела адвокат должен добиваться фиксации условий обмена, следить за тем, чтобы обещанные подзащитному послабления санкции или изменение квалификации деяния реально воплощались в жизнь.

Предметом сделки со стороны обвинения (прокурором, следователем) или с судьей может быть также прекращение уголовного дела по нереабилитирующим основаниям (за примирением сторон, раскаянием, за давностью или в результате амнистии) в тех делах, которые имеют большие шансы развалиться в суде. Такие основания в отличие от оправдания или прекращения дела по реабилитирующим (за отсутствием состава преступления или за непричастностью) переводят подсудимого в статус человека, совершившего преступление и признавшего вину. В интересах прокурора и следствия повысить шансы того, что подсудимый не будет оправдан и реабилитирован. В то же время адвокат, трезво оценивая перспективы оправдания в условиях обвинительного уклона, вынужден соглашаться на подобный исход, поскольку он в любом случае уменьшает реальные потери доверителя: время, деньги и даже здоровье в случае назначения наказания в виде реального лишения свободы.

159

В целом неформальные договоренности — рутинная часть работы адвоката: те или иные условия неформально выторговываются на всех этапах расследования. Нередко адвокаты соглашались на выгодные для подзащитного условия приговора или добиваются приобщения своих материалов дела в обмен на отказ фиксации процессуальных промахов следователя или прокурора.

И наконец, в-седьмых, основное преимущество адвоката в тактической борьбе с остальными участникам процесса — *контроль за временем*. Все накопленные ресурсы (коллекция процессуальных ошибок, допущенных следствием; содержательные материалы, включая экспертизы; признание вины и проч.) сами по себе ничего не значат. Они приобретут особое значение, если будут использованы в *нужный* момент. Здесь нет общих рецептов, выбор момента использования аргумента защиты — это конкретный личный выбор. Есть лишь общие логические схемы, которые, однако, не являются единственно верными. Например, тактически более верно использовать процессуальные ошибки следствия (в частности, подлог) на этапе судебного разбирательства, когда дело сформировано и подписано прокурором. Такие тактики, как сделка или содержательное наполнение дела материалами защиты, предоставляют адвокату большие возможности в выборе момента. Некоторые информанты говорили о том, что успешной тактикой оказывается опрос адвокатом свидетеля до того, как это сделает следователь. Зная, что первый опрос навязывает определенную оптику (последовательно-

стью вопросов и их содержание) они использовали шанс первым поговорить со свидетелем в интересах своего подзащитного.

Контроль за временем предполагает также манипулирование скоростью процесса — от быстрого разрешения дела в особом порядке до намеренного затягивания. Это важный тактический ресурс стороны защиты, поскольку соблюдение процессуальных сроков является одним из основных внутриведомственных критериев оценки работы следствия и суда. Затягивание процесса, однако, видится адвокату хорошим легальным способом решить проблемы клиента. Оно приводит к двум выгодным результатам: по некоторым статьям заканчиваются сроки давности¹, дело может быть прекращено, либо удастся вернуть дело на дополнительное расследование. С большой вероятностью это означает, что дело не попадет снова в суд. Учитывая конвейерный, основанный на палочной системе производства уголовных дел в правоохранительных структурах, расчет на затягивание процесса подготовки и рассмотрения дела может оказаться верным. Однако тактика затягивания слабо прогнозируема и чревата негативными последствиями: она увеличивает нагрузку судьи, что может негативно сказаться на размере санкции в случае вынесения обвинительного приговора.

160

Тактика затягивания наиболее успешна при скрытом содействии суда, когда по тем или иным причинам судья не хочет завершать дело обвинительным приговором. В результате затягивание и передача дела на дополнительное расследование или прекращение дела за сроком давности являются неформальной сделкой между стороной защиты и судом. Для успешной реализации этой тактики адвокату необходимо убедительно доказать судье несостоятельность обвинения и высокие шансы отмены его решения вышестоящей инстанцией. Сторона обвинения, осознавая процессуальные недочеты дела, может согласиться на эти условия.

В рамках статьи мы остановились на основных тактических действиях и ресурсах защиты, часто проговариваемых в интервью. Есть и другие довольно редко используемые тактики. Например, апелляция к правозащитным кругам и связям адвоката в СМИ позволяют привлечь внимание общественности к делу, что ломает рутину рассмотрения дела, вынуждает системных участников действовать более осмотрительно и несколько снижает их возможности применять неформальные правила. При высоком общественном

1 По многим статьям уголовного закона обозначен период времени с момента совершения преступления, по истечении которого преступивший закон человек освобождается от уголовной ответственности и наказания. Затягивание процесса позволяет адвокату добиться прекращения уголовного дела за давностью.

внимании к делу работа следователя по оформлению материалов дела и судьи по их оценке становится общеизвестной, и применение таких приемов, как, например, необоснованное отклонение ходатайств защитника или вывод его из дела, становятся рискованными. Однако для реализации подобной тактики у дела должен быть особый характер — существенные ограничения прав участников, их публичная известность, широкая социальная поддержка. Постоянная рабочая рутина адвоката не связана с подобным типом дел.

Таким образом, основной сферой стратегического типа действия адвоката оказывается взаимоотношение его с доверителем и подзащитным. Именно в этих отношениях адвокат устанавливает свои правила и контролирует их исполнение. Эта зона профессиональной ответственности адвоката предполагает следующие элементы:

- установление своего авторитета с опорой на профессиональный опыт, который в большей степени зависит не от знания текстов законов, а от прагматических знаний и навыков их применения;
- установление контроля над позицией подзащитного, что несколько противоречит нормативно заданной установке полностью поддерживать позицию своего клиента. В реальной практике адвокат в несистемной роли, исходя из обстоятельств дела, формирует позицию клиента и отслеживает ее развитие;
- психологическое консультирование клиента и разъяснение реалий обвинительного уклона российского уголовного правосудия. Это позволяет снизить ожидания и минимизировать собственные риски при проигрыше.

Адвокат в несистемной роли действует преимущественно тактически по отношению ко всем другим участникам уголовного дела. На основании интервью мы выделили широкий набор тактических способов действия, применяемых адвокатами. Для того чтобы быть принятым в чужом пространстве, используется тактика мимикрии и демонстрации образа конформного профессионального юриста. Одновременно такой адвокат различными способами делает намеки обвинителям и суду о своей несистемной роли и приоритете интересов подзащитного. При этом демонстрируется прогнозируемость и адекватность, которые становятся основой для конструктивного взаимодействия сторон. Мониторинг процессуальных ошибок и активная работа по поиску содержательных доказательств также являются тактическими типами действия, поскольку они предполагают особый навык адвоката приобщить эти сведения к материалам дела в условиях властной асимметрии и обвинительного уклона.

Групповая работа по делу в рамках спонтанных, неструктурированных, гибких профессиональных сетей также является тактическим преимуществом стороны защиты перед жестко иерархизированными и зажатыми бюрократическими методами работы

стороной обвинения и судом. Кроме того, коллективная работа по делу повышает общий уровень тактического сопротивления по делу. Широкое использование неформальных, закулисных договоренностей — также существенная часть тактических действий адвоката. Практически любой аргумент защиты может стать предметом неформального торга (от признания вины до актуализации серьезных процессуальных нарушений). И, наконец, наиболее значимое тактическое преимущество адвоката — это контроль за временем. Выбор правильного момента для артикуляции аргумента, манипулирование скоростью следствия и судебного разбирательства — это основной ресурс адвокатов как слабой стороны уголовного разбирательства.

Заключение

162

Мы сфокусировались на повседневной рутине адвоката, избравшего в работе по конкретному уголовному делу несистемную роль. Последняя предполагает приоритет интересов подзащитного и стремление согласовать их с ожиданиями субъектов уголовного преследования (стороны обвинения и суда). Метафора Р. Алпхоффа об адвокате как «блокируемом посреднике» хорошо описывает повседневную рутину адвоката в несистемной роли. Однако наш анализ практических аспектов профессиональной повседневности адвоката показал, что реализация на практике нормативной модели «ревностной и добросовестной защиты», лежащей в основе несистемной позиции, нередко не соответствует основным этическим предписаниям.

Рассмотрение адвокатуры в российских условиях уголовного процесса сквозь призму теории практического действия позволяет не только констатировать слабость стороны защиты, но также, как это ни парадоксально, выявить успешность действий адвоката, обусловленную именно его «слабой» позицией. Различение двух типов действия (стратегий и тактик), предложенное М. де Серто в зависимости от властных возможностей акторов, позволяет взглянуть на повседневную рутину российских адвокатов как на субъектов одновременно стратегического (по отношению к подзащитному) и тактического действия (относительно других институционально более влиятельных участников уголовного дела).

Характеризуя современный уголовный процесс, все наши собеседники констатировали его асимметрию. Она не только зафиксирована нормами УПК, но имеется и там, где состязательность формально утверждена законом: неравенство в пользу правоохранительных органов обеспечивается гибкой интерпретацией законодательства на всех уровнях движения уголовного дела (в ходе доследственной и следственной проверок, судебного разбирательства,

апелляции). В сложившихся условиях неравенства сторон на предварительном следствии или в суде оправдательный приговор или прекращение дела по реабилитирующим основаниям (оказывающие негативный эффект на оценку правоохранительной системы) видятся профессиональным защитникам недостижимой целью.

Адвокаты в несистемной роли, отстаивающие интересы подзащитного в уголовном процессе, отнюдь не романтические дон Кихоты, бросающиеся на мельницу уголовного преследования, а прагматики и реалисты. В большинстве своем они заняты рутинными случаями, а не громкими процессами. Приоритет интересов клиента является для них первостепенным ориентиром в работе. Между малой вероятностью оправдательного приговора (даже при очевидных промахах следствия или даже фальсификации доказательств) и возможностью, например, согласиться с обвинением взамен на условное наказание они выберут последнее. Это даст подзащитному шанс избежать лишения свободы. В условиях обвинительного уклона стратегически выгоднее согласиться с обвинением, даже если клиент не виновен. Конечно, это облегчает работу суда и следствия. И, безусловно, это негативно влияет на имидж адвокатов как сообщества. Однако, преследуя интерес подзащитного, адвокаты рассматривают любые иные исходы, не равные реальному наказанию, как аналог оправдания.

163

Наиболее желательный способ защиты подсудимого — вернуть его на дополнительное расследование, зацепившись за промахи в оформлении материалов дела и /или в доказательной базе. Если это не удалось, то эффективной становится тактика затягивания дела в суде, чтобы потом прекратить его за сроком давности. Еще одна тактика — привлечение на свою сторону экспертного сообщества; у успешных адвокатов часто достаточно для этого авторитета и связей. Преодолеть институциональную асимметрию уголовного процесса очень сложно в одиночку. Если есть возможность — читай, у клиента достаточно средств, — то адвокаты объединяются в группу. Обеспечивая не только защиту обвиняемого, но также и представление интересов свидетелей, группа адвокатов преодолевает закрытость следствия и обеспечивает контроль над процессом по делу. Таким образом, даже в условиях необеспеченности на практике состязательности сторон и почти нулевой вероятности оправдательного приговора у добросовестных адвокатов еще остаются законные средства минимизации рисков для подзащитного.

Особый вопрос касается моральной стороны этих средств. К сожалению, «оружие слабых» (Дж. Скотт) не всегда «хорошо пахнет». Если закон формально утверждает состязательность процесса и одновременно слабо регулирует возможности стороны защиты, если даже гарантированные законом права систематически нарушаются

на практике, не удивительно, что в арсенале профессиональных защитников остается мало способов стратегического действия. Именно асимметрия уголовного процесса и институционально обусловленная ресурсная слабость адвокатов определяют приоритет тактических решений и методическую всеядность стороны защиты при отстаивании интересов людей, попавших под каток российского правосудия.

Библиография

Волков В. В., Дмитриева А. В., Скугаревский Д. А., Титаев К. Д., Четверикова И. В., Шестернина Ю. В. (2014) *Уголовная юстиция России в 2009 г., комплексный анализ судебной статистики*/под ред. Д. Скугаревского. СПб: ИПП при ЕУ СПб.

Волков В. В., Панеях Э. Л., Поздняков М. Л., Титаев К. Д. (2012) *Как обеспечить независимость судей в России*. СПб: ИПП при ЕУ СПб.

Волков В., Хархордин О. (2008) *Теория практик*, СПб: ЕУ СПб.

Данные судебной статистики (2013), март 2013 (<http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=1775>).

Лизунов А. С. (2012) Понятие и уголовно-процессуальная форма производства доследственной проверки. *Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал*. (3):80–83.

Моисеева Е. Н. (2014) Рабочие группы в судах Санкт-Петербурга. *Журнал социологии и социальной антропологии*, (4): 86–100.

Панеях Э., Поздняков М., Титаев К., Четверикова И., Шклярчук М. (2012) Правоохранительная деятельность в России: структура, функционирование, пути реформирования. Часть 1. *Диагностика работы правоохранительных органов и выполнение ими полицейской функции*, СПб: ИПП при ЕУ СПб.

Панеях Э. (2011) Трансакционные эффекты плотного регулирования на стыках организации: на примере российской правоохранительной системы. *Полития*, 61 (2): 38–59.

Садохин В. (2014) Искореня «карманных адвокатов». *Новая адвокатская газета*, (20): 6–7.

Скотт Дж. (2007) *Благими намерениями государства. Почему и как провалились проекты улучшения условий человеческой жизни*, М.: Университетская книга.

Сухарев Г. (2013) Превентивные меры на этапе предварительного расследования. *Новая адвокатская газета*, (19) (<http://www.advgazeta.ru/rubrics/12/1171>).

Титаев К. Д. (2014) Предварительное заключение в российской уголовной юстиции: социологический анализ вероятности предварительного заключения и его влияния на решение суда. *Экономическая социология*, 15 (3): 88–113.

Федеральный закон об адвокатуре и адвокатской деятельности № 63-ФЗ от 31.05.2002.

Шклярчук М. С. (2014) *Траектория уголовного дела в официальной статистике: на примере обобщенных данных правоохранительных органов*/под ред. К. Д. Титаева, Э. Л. Панеях. СПб: ИПП при ЕУ СПб.

- Binder D. A., Bergman P., Price S. C. (1991) *Lawyers as counselors: a client centered approach*, Eagan: West Publishing Company.
- Blumberg A. S. (1967) The Practice of Law as Confidence Game: Organizational Cooptation of a Profession, *Law & Society Review*, (1): 15–40.
- Brown D. (1998) *Criminal Procedure, Justice, Ethics, and Zeal*, Michigan Law Review, 96 (7): 2146–2155.
- De Certeau M. (1984) *The Practice of Everyday Life*, Berkeley, University of California Press.
- Eisenstein J., Jacob H. (1977) *Felony Justice*, Boston: Little, Brown.
- Luban D. (1993) Are Criminal Defenders Different? *Michigan Law Review*, 91 (7): 1729–1766.
- Mather L. (1979) *Plea Bargaining or Trial?* Lexington, MA: Lexington Press.
- Mather L. M., McEwen C. A., Maiman R. J. (2001) *Divorce Lawyers at Work: Varieties of Professionalism in Practice*. Oxford University Press.
- Maynard D. W. (1984) *Inside Plea Bargaining: The Language of Negotiation*, N. Y.: Plenum Press.
- Schuster M. L., Prosen A. D. (2011) *Victim Advocacy in the Courtroom: Persuasive Practices in Domestic Violence and Child Protection Cases*, Boston, Mass: Northeastern University Press.
- Scott J. C. (1985) *Weapons of the Weak Everyday Forms of Peasant Resistance*, New Haven, Yale Univ. Press.
- Uphoff R. J. (1992) Criminal Defense Lawyer: Zealous Advocate, Double Agent, or Beleaguered Dealer? *Criminal Law Bulletin*, 28 (5): 419–456.
- Van Cleve N. M. (2012) Reinterpreting the zealous advocate: multiple intermediary roles of the criminal defense attorney/Leslie C. Levin, Lynn M. Mather (eds). *Lawyers in Practice: Ethical Decision Making in Context*, Chicago, The University of Chicago Press: 293–316.

References

- Binder D. A., Bergman P., Price S. C. (1991) *Lawyers as counselors: a client centered approach*, Eagan: West Publishing Company.
- Blumberg, A. S. (1967) The Practice of Law as Confidence Game: Organizational Cooptation of a Profession, *Law & Society Review*, (1): 15–40.
- Brown D. (1998) Criminal Procedure, Justice, Ethics, and Zeal, *Michigan Law Review*, 96 (7): 2146–2155.
- Dannye sudebnoi statistiki* (2013) [Court Statistics Data], March 2013 (<http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=1775>).
- De Certeau M. (1984) *The Practice of Everyday Life*, Berkeley, University of California Press.
- Eisenstein J., Jacob H. (1977) *Felony Justice*, Boston: Little, Brown.
- Federal'nyi zakon ob advokature i advokatskoi deiatel'nosti ot 31.05.2002 № 63-FZ [Federal Law from 31.05.2002 #63 «Law on Bar and Bar members activity»]

Lizunov A., (2012) Poniatie i ugovolno-processualnaia forma proizvodstva dosledstvennoi proverki [Concept and the criminal procedural form of pre-investigation checks]. *Biznes v zakone. Ekonomiko-juridicheskii jurnal* [Business in Law. Economic & Law Journal]. (3):80–83.

Luban D. (1993) Are Criminal Defenders Different? *Michigan Law Review*, 91 (7):1729–1766.

Mather L. (1979) *Plea Bargaining or Trial?* Lexington, MA: Lexington Press.

Mather L. M., McEwen C. A., Maiman R. J. (2001) *Divorce Lawyers at Work: Varieties of Professionalism in Practice*. Oxford University Press.

Maynard D. W. (1984) *Inside Plea Bargaining: The Language of Negotiation*, N. Y.: Plenum Press.

Moiseeva E. N. (2014) Rabochie gruppy v sudakh Sankt-Peterburga [Courtroom Working Groups in Saint-Petersburg], *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], (4): 86–100.

Paneiaxh E., Pozdniakov M., Titaev K., Chetverikova I., Shkliaruk M. (2012) *Pravookhranitel'naia deiatel'nost' v Rossii: struktura, funktsionirovanie, puti reformirovaniia. Chast' 1. Diagnostika raboty pravookhranitel'nykh organov i vypolnenie imi politseiskoi funktsii*. [Law Enforcement in Russia: Structure, Functioning, Ways of Reforms. Part 1. Diagnostics of Enforcement Agencies' Work and Political Function], Spb.: IRL at EU SPb.

Paneiaxh E. (2011) Transaktsionnye efekty plotnogo regulirovaniia na stykakh organizatsii: na primere rossiiskoi pravookhranitel'noi sistemy [Transactional Effects of Deep Regulation across Organizations: on Example of Russian Law Enforcement System] *Politiia* [Polity], 61 (2): 38–59.

Sadokhin V. (2014) Iskoreniia «karmannykh advokatov» [Stamping out «Pocket» Criminal Defenders], *Novaia advokatskaia gazeta* [New Lawyer's Magazine] (20): 6–7.

Schuster M. L., Proppen A. D. (2011) *Victim Advocacy in the Courtroom: Persuasive Practices in Domestic Violence and Child Protection Cases*, Boston, Mass: Northeastern University Press.

Scott J. C. (1985) *Weapons of the Weak Everyday Forms of Peasant Resistance*, New Haven, Yale Univ. Press.

Shkliaruk M. S. (2014) *Traektorii ugovnogo dela v ofitsial'noi statistike: na primere obobshchennykh dannykh pravookhranitel'nykh organov* [Trajectory of a Criminal Case in Official Statistics: on Example of Generalized Data on Law Enforcement Agencies], Spb.: IRL at EU SPb.

Scott J. (2007) *Blagimi namereniiami gosudarstva. Pochemu i kak provalilis' proekty uluchsheniia uslovii chelovecheskoi zhizni* [Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed], M.: University book.

Sukharev G. (2013) Preventivnye mery na etape predvaritel'nogo rassledovaniia [Preventive Solution on the Preliminary Stage of the Criminal Case Investigation] *Novaia advokatskaia gazeta* [New Lawyer's Magazine], (19) (<http://www.advgazeta.ru/rubrics/12/1171>).

Titaev K. D. (2014) Predvaritel'noe zakliuchenie v rossiiskoi ugovnoi iustitsii: sotsiologicheskii analiz veroiatnosti predvaritel'nogo zakliucheniia i ego vliianiia na

reshenie suda [Pretrial Detention in Russian Criminal Justice: Sociological Analysis of the Probability of Pretrial Detention and its Influence on Court Decisions], *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Economiological Sociology], 15 (3): 88–113.

Uphoff R. J. (1992) Criminal Defense Lawyer: Zealous Advocate, Double Agent, or Beleaguered Dealer? *Criminal Law Bulletin*, 28 (5): 419–456.

Van Cleve N. M. (2012) Reinterpreting the zealous advocate: multiple intermediary roles of the criminal defense attorney/Leslie C. Levin & Lynn M. Mather (eds). *Lawyers in Practice: Ethical Decision Making in Context*, Chicago, The University of Chicago Press: 293–316.

Volkov V. V., Dmitrieva A. V., Skugarevskii D. A., Titaev K. D., Chetverikova I. V., Shesternina Iu. V. (2014) *Ugolovnaia iustitsiia Rossii v 2009 g., kompleksnyi analiz sudebnoi statistiki* [Russian Criminal Justice in 2009: Complex Analysis of Court Statistics], SPb.: IRL at EU.

Volkov V. V., Paneiakh E. L., Pozdniakov M. L., Titaev K. D. (2012) *Kak obespechit' nezavisimost' sudei v Rossii* [How to Provide Independency of Judiciary in Russia], SPb.: IRL at EU SPb.

Volkov, V., Kharkhordin, O. (2008) *Teoriia praktik* [Theories of Practicies], SPb.: EU SPb.